

МЕСТЕЧКОВЫЕ ПОРТРЕТЫ

Зиска Шапиро

Пабраде. Восемьдесятлетний Зиска Шапиро делает стрижку крестьянину в парикмахерской, которую он открыл в своей собственной квартире.

- Я потерял свою парикмахерскую, когда здесь все приватизировали. Несколько человек, которых я выучил, выкупили ее. Я бы не смог этого, да и не стал бы в любом случае делать. Я не верю в капитализм! Но я верю в работу, и, не теряя ни дня, я начал свое дело здесь, дома.

Квартира - это сырое помещение в старом деревянном здании, в котором когда-то размещалась еврейская средняя школа.

Зиска Шапиро - хрупкий, лысый человек с аккуратно подстриженными усами, с глазами, которые говорят: "Я - единственный еврей в городе".

Он любит шокировать иностранцев своими необычными политическими взглядами.

- Только представьте, 50 штатов в Америке имеют свои собственные традиции, но они все признают Вашингтон! А с развалом Советского Союза любой шендрик заявляет о себе без признания Москвы!

Уступив без боя свою парикмахерскую, Шапиро стоя на своем, когда пришли приватизировать жилье.

- Можете представить: пришел человек и предложил мне купить эту шапку.

Это был еврейский город, - сказала я ему.

Все евреи были убиты, остался один в этой хибарке без водопровода, в здании, которое когда-то было еврейской школой, и вы хотите, чтоб я ее у вас выкупил? Убейтеесь! - сказала я ему.

О Боже, он убежал, весь дрожащий!

У крестьянина, сидящего на стуле парикмахера, нет ни кистей рук, ни ступней ног. У другого, который терпеливо ждет своей очереди, сидя на разломанной скамье, одна рука.

- Это последняя война? - спрашиваю я.

- Какой войны? - отвечает Шапиро. - Написали, упали в снег и отморозили все конечности!

Шапиро не берет деньги с инвалидов. Он просит у здоровых людей 50 центов за стрижку. Единственная парикмахерская в городе, та, из которой он ушел в конце 1992 года, сейчас берет около 2 долларов.

Ковыляя к выходу и шеголяя своей модной новой прической, первый крестьянин провокационно спрашивает о двух бывших подмастерах, женщинах, которые сегодня делают мужские стрижки в парикмахерской.

- Отступники! - рывкает в ответ Шапиро.

- Ты скажи своим друзьям, чтоб приходили сюда снова за настоящей стрижкой от старого мастера!

Зиска Шапиро сам стал учеником парикмахера в 1932 году в своем родном местечке Игналина. Этот город сейчас хорошо известен атомной станцией, построенной в советские времена. Вся территория, включая столицу Литвы Вильнюс, в период между мировыми войнами была частью Польши. Советские власти пришли только в 1939 году, это был "их сектор", согласно пакту Молотова-Риббентропа.

Шапиро вспоминает, что, когда нацисты в июне 1941 года захватили Литву, многие евреи даже не думали уходить на восток.

- Они помнили немцев как цивилизован-

ную армию во время первой мировой войны. Это не те солдаты, которые будут и стрелять невинных граждан!

Но Шапиро поверил старому странствующему нищему Ханму-Мееру из Сиври, который уже много лет говорил людям:

- Гитлер хвастался, что он уничтожит всех евреев.

Три дня Зиска изучал лица немецких захватчиков в июне 1941 года, а потом бежал на восток в Россию и вступил в Красную Армию. Раненный три раза, он был награжден орденами и медалями. Вернувшись домой после войны в 1945 году, Зиска Шапиро узнал, что всех евреев Игналина, включая его мать, в октябре 1941 г. расстреляли за то, что они были евреями.

- Я пытался вернуться домой в Игналина, но смог пробыть там только неделю. Спихомом много ночных кошмаров. И я приехал сюда, в Пабраде.

Он благодарен за то, что он выжил, служив в Красной Армии, и за долгие годы приличной жизни при Советах, но не признает, что советская система "просто не сработала".

Шапиро принадлежит к тем людям, чьи жизни сложились не совсем так, как они надеялись. Он считает, что одна трагедия потянула за собой целый ряд обстоятельств. Имя этой трагедии, рассказывает он, снимая свой фартук после того, как он подстриг второго клиента, - Титаник. Он удивлен, узнав, что мы знаем это название и эту историю.

Неужели в Америке еще помнят о корабле, столкнувшемся с айсбергом и затонувшем в 1912 году?

Он ошеломлен, услышав, что на Западе сняли кинофильм о корабле.

Сегодня у Шапиро не очень счастливая жизнь, но зачем винить "Титаник"? Он продолжает на своем богатом литовском идише вспоминать события эпохи. Его отец умер из-за отсутствия денег на покупку необходимых лекарств в 1924 году, когда Зиска был маленьким мальчиком. Затем пришло время Холокоста, и его мать лежит в братской могиле. Когда он начал мирную послевоенную жизнь, Сталин устроил антисемитские репрессии.

В те годы мы боялись быть поймавшими с кивкой на идиш. Лучшие время наступило при Брежнев.

Именно тогда, когда он мог бы начать наслаждаться своим положением в городе, как владелец парикмахерской, она была приватизирована, и его бесцеремонно отстранили от дела, которое

Когда-то в Литве у Зиски Шапиро была большая мишпоха. Сегодня он последний еврей в местечке.

он создавал почти полвека.

Но это была не последняя капля, - утверждает Зиска.

Полвека он откладывал сбережения на "черный день" - все в советских рублях, конечно же. Деньги обесценились как раз в то время, когда его принудительно попросили оставить парикмахерскую. Да, государственная пенсия поддерживает его существование, но не более чем. Он зависит от своих друзей, живущих на Западе, которые время от времени помогают ему, присылают деньги, парикмахерские принадлежности, другие вещи.

- Но какое отношение все это имеет к "Титанику"? - спрашиваю я.

- Я как раз собираюсь об этом. Понимаете, деньги не впервые обесценились. Но забудьте про деньги. Если бы тот корабль не столкнулся с тем прокатным айсбергом - "Моя удача!" - сказала бы моя мать - мы бы все переехали в Америку, когда я был еще маленьким мальчиком.

- Вы уверены в этом?

- Это так ... - начинает парикмахер, уславившись на свой собственный стул, как будто это лаже аналитика, и визит незнакомцев побуждает к перечислению самых сокровенных раскаяний.

- После революции 1905 года две семьи моего отца Шаширо и моей матери, Гливински, - решили, что здесь никогда не будет стабильности. Мы должны были отправиться в Америку, на золотую землю. Но как? В те годы это было просто. Найдите самого способного молодого человека в семье и пошлите его туда первым. Он перевезет всех остальных, как только начнет преуспевать. А в Америке тот, кто способный преуспевает. Итак, кого они послали? громко спрашивает Шаширо. После долгой выжидающей паузы он произносит имя: - моего дядю Лейзера. Лейзер был слесарем, он избрал замок с защитой от палача и совершил новшество: новые замки для местных представителей царского правительства.

Но собранных денег хватило только на оплату проезда до Лондона. И он внезапно появился в Лондоне. Изменил имя на Лесми Гливински и начал работать слесарем на старой улице Монтгау. Через несколько месяцев к нему пришла удача. Или так казалось. Один знакомый сказал другому, который сказал третьему о молодом гениальном слесаре, - продолжает свой рассказ Шаширо, восстанавливая в памяти версию, переданную ему его родителями. Лейзер предложил поездку в Америку на огромном корабле ваэман на то, что он будет работать слесарем на борту. Он будет спать в отделении для рабочих и вскоре будет в Америке. Корабль назывался "Титаник". Когда его родные дома в Итналме получили письмо с этими новостями, всех переполнила радость. А в один апрельский день 1912 года по телеграфу передали о крушении корабля. Семья была убитая горем, и всех утратило чувство вины. Почему он не остался здесь?

Но это не конец истории. В 1913 году дедушка Шаширо Шшема Гливински, отец несчастного слесаря, получил письмо от лондонской страховой компании "Ллойд" в Санкт-Петербурге, в котором сообщалось: во-первых, тело его сына нашли на плавучей льдине и отправили для захоронения в Америку, и, во-вторых, что перед отправлением он оплатил страховку на 35 тысяч рублей.

Эта сумма денег обеспечила бы жизнь средней семье на многие поколения вперед. Дед Шаширо запретил лошадей и направился в Санкт-Петербург. Работники компании Ллойд сказали, что он может получить сумму в золотых монетах или в купюрах. - Естественно, - говорит Шаширо, - мой дед не был дураком. Не везти же тележку, полную золота, когда столько бандитов швыряет по лесам! Он аккуратно завернул купюры в мешки и благополучно добрался домой. Семья перестала бедствовать, а слесарь-герой покоится на кладбище в Нью-Джерси, обогатив сумму таким неожиданным и ужасным способом. Все из-за айсберга!

В 1914 вспыхнула первая мировая война, наступление немцев, крушение Российской империи, в 1920 году Итналма становится частью новой Польской республики - старые царские деньги обесценились.

- Когда я был ребенком, стены внутри нашего дома сверху до низа были выклеены царскими рублями, которые достались от страховки бедного дядюшки Лейзера. Было столько много купюр, что мы вывелили дом и снаружи тоже. Единственный в Итналме выклеенный снаружи дом! - рассказывает Зиска. - Мы думали, что Советский Союз будет существовать вечно, и я когда советские рубли всю свою жизнь. Кто бы мог подумать, что они также обесценились, как и деньги от дядюшкиной страховки на "Титанике"? Настоящий злодей - это айсберг! Дядя Лейзер в Америке? Да он к 1920-м годам бы уже вылезал из слесарного завода и перетянул бы нас всех к себе! Что вы думаете...

Зиска Шаширо любит посяматься, пошутить, пострелить, и выпить.

- Моя жена умерла 10 лет назад. Я думаю, настало время снова жениться. Может, вы кого-нибудь знаете в Америке? Она нигде не найдет лучшего парикмахера, уверяю вас. А если ее волнует мой возраст, то я расскажу ей историю. Царская империя не была вечной, Советский Союз не был вечным, ничто не вечно, за исключением, может быть, лондонской страховой компании "Ллойд".

Абраша Роговский

Радунь. Мерке Столяр, единственный еврей в местечке Радунь, но иностранные гости, преимущественно из Америки и Израиля, каждый год приезают сюда на могилу Хоцеца Хаима, известного раввина, благодаря которому местечко приобрело мировую известность. Так что евреи в местечке есть.

В прошлом месяце я увидел каких-то мужчин, вываливающих свежую могилу в нескольких метрах от места массового расстрела, что на краю старого еврейского кладбища. Я подошел поближе и был поражен, увидев моего двоюродного брата из Тель-Авива Абрамы Роговского, выкрывающего на русском языке три копейки: "Еще полметра здесь!" и "Побольше места для бетона между рамой и землей!"

Мы не виделись много лет, были радостно взволнованы, увидев друг друга. Хотя встреча на старом еврейском кладбище в Радунь была полной неожиданностью. Абраша - родом из Радунь, ему 74 года, он сын одной из наших тетюшек из местечка Михалешки. Она вышла замуж за молодого парня из Радунь и переехала сюда в начале века.

- Что ты здесь делаешь? - кричали мы друг на друга в унисон.

- Я путешествую по Беларуси в поисках оставшихся в деревнях старых евреев.

- Я приехал копать себе могилу, - спокойно сказал Абраша.

- Ты в порядке? - забеспокоился я.

- Здоровее никогда не был, - мгновенно ответил на идиш, поднимая огромнейший камень, Абраша, чтобы показать мне, что его сила не поубавилась. При виде этого мне стало дурно.

- Тогда зачем все это?

- Я решил, что буду похоронен здесь, в Радунь. Я, возможно, умру в Тель-Авиве, а жена моего племянника - лучший адвокат - просидит, чтобы никто не получил и шекеля из моего завещания, пока мое тело не привезут сюда для похорон.

Один из копачей отступил шутку.

- В такую красивую большую и просторную могилу с бетонными стенами он может взять с собой телевизор и микроволновку.

- А может, еще и хорошенькую девочку, - добавил другой.

Выслушав все это, Абраша сказал ему пойти и найти девочку "прямо сейчас, иначе..."

Но все было серьезно. Абраша изгладил всю область, пока не нашел Павла Стаселовича, молодого предпринимателя, который занимается всеми аспектами похоронного ремесла: от привозки экзотических камней до производства красивых надписей на камнях на языке, который можно выбрать.

Мы подошли к тому месту на кладбище, где были расстреля-

ны и захоронены 2130 евреев, узников радунского гетто. Старый памятник замученным "мирным советским гражданам" - без упоминания их еврейской национальности - разрушили. Израильские земляки поручили Абраше поставить новый - в память о погибших евреях.

Вместе со Стаселовичем мы поехали в близлежащий город Лиду, где делался новый памятник. Надпись была выгравирована на трех языках: русском, английском и иврите. "10 мая 1942 года немцами и их помощниками было убито и захоронено в этой могиле 2130 евреев".

Не прошло и минуты, как Абраша и я уже ссорились из-за того, что нет надписи на идиш. Я сказал, что все евреи Радунки говорили на идиш и было бы неправильно не считаться с этим. Он объяснял, что памятник - для тех, кто сегодня приезжает из Израиля и Америки, а не для жертв.

Наш спор быстро разрастался, и я подумал о контрасте между нашим горячим столкновением по вопросу идиша в мастерской Лиды и "диалектными" дебатами между мной и филологами в офисе газеты *Forward* в апреле 1996 года в Нью-Йорке. Докривавшись до хрипоты, мы, в конце концов, решили больше не обсуждать этот вопрос в Радунки, но все же мне удалось добиться того, чтобы поставить рядом еще одну майкейшу с надписью на идиш.

Мы поехали в Лиду на завод, который был основан в 1902 году братьями Шапиро, и национализирован в 1939 году. Абраша раскрыла свою израильскую сумку и выложил на стол "миллионы" белорусских рублей.

- Я специально собрал маленькие купюры, чтоб у вас было много работы их сосчитать, - сказала он с язвительной улыбкой.

Два кассира подсчитывали купюры полчас. Это были деньги на сооружение новой железной оградки вокруг могил узников гетто. Когда все было подсчитано, раздраженный директор завода сказал:

- Идите! Спите спокойно. Забор будет закончен к заходу солнца во вторник.

В той же мастерской в Лиде на маленьком камне выбили "Абрашка Роговский, 1923 -" - пустое место будет заполнено в соответствующий день.

Абрашка сказал, что церемония открытия нового памятника будет в следующее воскресенье.

Руководитель еврейской общины Лиды Тамара Барадач, яркая женщина лет сорока, достойно открыла митинг. Гирш Хасид, руководитель еврейской общины в Гродно, и Леонид Левин из Минска, президент Союза еврейских общин Беларуси, произнесли трогательные речи. За ними выступил мэр Радунки и руководитель польской общины.

В заключении дали слово Абраше. Он говорил на русском:

- Моя жизнь полна вещей, которых я не понимаю. Я родился в Радунки первые 16 лет жизни, но именно это местечко имеет для меня огромное значение. В 1940 году, до сих пор не понимаю почему, я был арестован советской милицией, за то, что носил майку с сионистской символикой. Я провел годы войны в трудовых лагерях, и поэтому выжил. Я вернулся сюда после войны и не мог понять, почему все, кого я знал, были расстреляны только за то, что были евреями. В последнее время я не могу понять, почему кто-то приказал выбросить в болото все старые надгробные плиты со старого еврейского кладбища.

Сказать правду, я не могу понять, почему мои дети так мало интересуются нашими корнями. Я люблю мою красивую жену и трех прекрасных детей, живущих в Тель-Авиве, но я решил быть похороненным здесь, вместе с моими предками, где семья моего отца жила на протяжении веков. Кстати, я точно не знаю, где похоронен мой отец. Его майкейша была одной из тех, которые так никогда не были найдены в болоте.

Множ детей не интересуют Радунку и, возможно, не интересуют я. Если бы я был похоронен в Тель-Авиве, они, возможно и не пришли бы ко мне на могилу. Но я чувствую, что сюда, хотя бы раз, они придут. И для них это местечко будет что-то значить.

Позже, в тот день, когда мы разошлись, я хотел сказать Абра-

ше, что если бы его дети знали или, по крайней мере, ценили идиш, они бы больше интересовались историей семьи. Но я вспомнил наше соглашение не возобновлять спор.

...Прошел почти месяц, и я снова здесь, в Радунки. Местные жители продолжают приносить цветы и к новому памятнику, и к надгробью, стоящему рядом. Наверное, они не знают, что эта - "могила в ожидании", что предназначенный для нее человек жив и здравствует в Тель-Авиве.

Соня Померанец

Гродно. Мы сидим за столом в скромной, но безукоризненно чистой квартире 93-летней Соня Померанец. Жизнерадостная, нарядно одетая женщина подает чай и специально испеченное для этой встречи маковое печенье.

- Я расскажу вам, как я стала атеисткой, хорошо? - Соня широко улыбается и начинает рассказывать на мелодичном еврейском диалекте. - Мы были глубоко верующей семьей. Сразу же после того, как моя мама Цыма-Ани, которой было всего 35 лет, родила одиннадцатого ребенка, она вдруг серьезно заболела. В местечке Косово были немецкие доктора. Их привели к маме. Они сказали, что надежда на выздоровление мала. Это было в 1914 году, мне было 9 лет. Мы пошли в synagogue. Плакали, молились всю ночь перед открытием арон-кодемом. Мы просили Бога не забирать маму у нас и у только что рожденного младенца. Но на следующее утро моей мамы не стало. Вера нашего отца осталась непошатнувшейся. Но мы, девять детей (один был в отъезде, а один - только родился), сказали, что никогда больше не будем верить в Бога.

Наш отец, Авраам Померанец, был мастер-медик. Занимался изготовлением водопроводных кранов. В 1905 году, когда мама была беременна мною, он эмигрировал в Америку, надеясь заработать деньги и перевезти туда всю семью. Работал на консервной фабрике, где-то в Нью-Джерси. Его начальник был антисемитом. И мой отец, чтобы не выдавать себя, взял греческий псевдоним, а хозяйку объяснил, что он приехал из Греции.

- Хорошая новость, - сказал ему хозяйка, - у нас уже есть один грек, так что у вас будет с кем поговорить. Потом выяснилось, что тот первый грек был тоже евреем из России, и у них, действительно, намлось, о чем поговорить.

Дела у отца шли посредственно, заработок не был, и он решил вернуться в Гродно. Голова у Авраама была хорошая. Он стал изобретателем и сконструировал кран, из которого вода лилась вверх, как бы выпрыгивала в воздух, и металлические чашечки для ее сбора были не нужны. Изобретение было принято русской армией, и в 1914 году из Москвы в Гродно приехал генерал, чтобы вручить моему отцу специальную золотую медаль. Так он был поощрен за изобретение. Ему также вручили некоторую сумму денег. Хватало этих денег ненадолго.

К концу первой мировой войны Гродно отошло к Польше. Несмотря на свою молодость, Соня Померанец активно занялась революционной деятельностью. Она была пример со своей сестры - Ани. Ани не раз арестовывали польские власти по подозрению в подрывной коммунистической деятельности.

- Я должна вам сказать, - признается Соня, при этом улыбаясь своей дилетантской улыбкой, которая делает ее моложе на несколько десятилетий, она была чертовски виновата.

Ани могли посадить в тюрьму надолго. А заодно и ее, Соню. Она упаковывала чемоданы и отправлялась вместе со своей подружкой на Землю Израиля. Два года, с 1926 по 1928, Соня работает швейей в Иерусалиме.

Потом возвращается в Гродно. Произошло это потому, что парень, которого она любила, его звали Хаим Александрович, занимался подпольной работой, нигде не собрался уезжать из Гродно, а Соня хотела быть рядом с ним.

Через некоторое время Хаим поступил на учебу в Москву, в Университет национальных меньшинств. И снова Соня подолжала за ним. Она нелегально перешла советско-польскую границу. Сделала это вместе с подружкой Меркой Клемпнер. Их

проводником был 7-летний русский паренек, который хорошо зарабатывал, нелегально проводя революционеров через границу.

- Не знаю, помогал мальчишке равнин Ракова или нет, но в душе этот человек был революционером и помогал таким людям, как я, - продолжает свой рассказ Соня Померанец. - Во время перехода границы у Мерки упал чемодан. Наделал шума. Мы бросили его и пошли дальше. Но наш проводник оказался честным человеком. Он вернулся на это место, подобрал все вещи и отнес их равнину. А тот переправил в Гродно родителем Мерки. Мы сообщили о себе советским властям. Сказали, что хотим строить социализм. Но нам не поверили и арестовали. На помощь пришел мой друг Хаим Александрович. Он поручился за нас и выпущил из тюрьмы.

Ректором Университета национальных меньшинств в Москве была Эстер Фрумкина, которая знала, что моего Хаима гото-

Соня Померанец.

вить к нелегальному возвращению в Польшу, для работы в коммунистическом подполье. Фрумкина не хотела, чтобы я была с ним рядом, так как предполагалась полная конспирация, и близкие ничего не должны были знать о подготовке Хаима. Она нашла мне работу в Минске на швейной фабрике и квартиру.

Через некоторое время я получила известие, что Хаим опять в Польше, арестован и приговорен к 8 годам тюремного заключения.

Эстер Фрумкина, или просто Эстер, в начале XX века была одним из духовных вдохновителей еврейского рабочего движения Бунд. Она была одной из самых заметных фигур на конференции по языку идиш, которая проходила в 1908 году в Черновицах. Но позже, после первой мировой войны, она поменяла свои убеждения. Стала преданным большевиком. Помогала ликвидировать Бунд. Правда, сталинский режим не почитался с этим. В конце тридцатых годов Эстер Фрумкина была арестована и расстреляна.

- Мне нравилось жить в Советском Союзе, - рассказывает Соня Померанец. - В 1931 году я стала членом коммунистической партии и была зачислена студенткой факультета журналистики в Московский университет, где училась с 1932 по 1934 год. Затем я вернулась в Минск.

После долгой паузы Соня Померанец сообщает, что любимые Советы посадили ее на два года в тюрьму. Она сидела с 1938 по 1940 год. Ее обвинили в шпионаже в пользу "буржуазного польского правительства", правительства, которое она ненавидела.

Но грусть быстро уходит с ее лица, Соня Померанец разра-

жается смехом и находит юмор в абсурдности ситуации.

- Смотрите! Мой муж, Хаим Александрович, - я уже к тому времени вышла за него замуж, была в тюрьме в Польше за то, что была русским шпионом. А я была в России в тюрьме за то, что была польской шпионкой. Сумасшедший мир, мой друг! Сумасшедший. Безумный. И всякий, кто думает, что может найти в нем логику, сам безумец.

После короткой паузы, Соня Померанец продолжает свой рассказ дальше.

- По правде говоря, эти два года тюрьмы были одними из лучших во всей моей жизни. Это может показаться невероятным, но это так. Сталин посадил в тюрьмы самых лучших интеллектуалов и профессоров. В нашей тюрьме сокамерники организовали ежедневные лекции, охватывавшие все: от зигфрики до современной биологии. Это было, можно сказать, первый курс университета, и я имела привилегию быть его студенткой!

В 1940 году Соня Померанец была освобождена, реабилитирована и принята на работу секретарем партийной организации Минской швейной фабрики "Сцяг Кастрычкіка".

- Может ли реабилитация компенсировать два года незаконного заключения в тюрьме? - спрашиваю я.

- Да, я понимаю, о чем вы. Но, откровенно говоря, все революционные движения совершают ошибки. И не забывайте, то же самое правительство, которое совершило эту ошибку, дало мне бесплатное высшее образование, - пытается она как-то оправдать коммунистический режим, служению которому отдала много лет жизни.

- Что случилось с Вами во время войны?

- Когда первые немецкие бомбы упали на Минск в июне 1941 года, восемнадцать женщин, кстати, все были членами партии, ушли на восток. Мы добрались до Вязьмы, затем на телегах, запряженных лошадьми, доехали до Смоленска, и оттуда наконец-то попали в Казань. Я служила в армейском госпитале, начальником библиотеки. Вместе с госпиталем прошла всеми дорогами войны, двигалась на запад. В 1944 году нас передислоцировали в белорусский город Молодечно, и здесь мы остались до Победы. Я не могу вам описать той радости, которую испытали 9 Мая.

Но затем было печальное возвращение в Гродно. Как и все ее друзья, Соня Померанец не верила отчетам о том, что фашисты уничтожили всех евреев. Она надеялась, что ее близкие каким-нибудь образом выжили.

- Я вернулась в Гродно. Четыре моих брата и три сестры были убиты фашистами. Просто за то, что были евреями.

Следует еще одна долгая грустная пауза. И затем рассказ о самом страшном в ее жизни.

- Мой первый муж, Хаим Александрович, был освобожден из польской тюрьмы коммунистами в 1939 году. Во время войны он остался в Гродно вместе со своей мамой и маленьким сыном. Они притаялись. Однажды, во время облывы, маленький мальчик заплакал, Хаим принял его к себе, пытаясь остановить плач, чтобы фашисты не обнаруживали всех. Так продолжалось несколько минут. А когда Хаим отпустил сына, тот уже не дышал. Мальчик задохнулся.

Мы уже собирались проститься, когда Соня Померанец спросила:

- Помнит ли еврейская интеллигенция Нью-Йорка моего брата Ишия? Или, может, там его называли Иешуа, Двошну?

- Конечно, помнит, - ответила я, удивленный тем, что беседую с родной сестрой Александра Померанца. И прошу ее рассказать о брате.

Соня согласно кивает головой:

- Отец хотел выучить одного из сыновей на равнина. Он послал Ишию учиться в хедер, который был закреплен за известной во всем еврейском мире иешивой в местечке Мир. Мальчику было всего 6 или 7 лет. Домой он приезжал только на каникулы. Когда он приехал в Гродно на свою бар-мицу, это был настоящий праздник для всех нас. Раввин Гродно пришел к нам домой, чтобы поздравить Ишию и лично убедиться в его незаурядных познаниях в талмудических науках.

Когда началась первая мировая война, Ишия с отцом эвакуировались в Минск. Стройный, красивый молодой человек учился в классической гимназии. Он вернулся в Гродно в 1918 году и привез с собой тетрадку со своими первыми стихами. Это была любовная лирика, посвященная "М.Р."

- Дерзку пари, - смеется Соня Померанец, - литературоведы в Америке не могут ответить, кто это "М.Р.". А я могу вам рассказать о ней. Это Мама Розовская, дочь главного гродненского раввина. Она была очень интересной девушкой, много занималась изучением и религиоведных, и светских наук. Она тоже была эвакуирована в Минск в годы первой мировой войны.

После возвращения в Гродно Ишия Померанец быстро сошелся с двумя известными еврейскими писателями - Лейбом Найдусом и Авромом Заком.

Лирика Лейба Найдуса философская. В ней присутствуют и описания природы, и эротика, и восточные мотивы. Он родился в Гродно в 1890 году и умер там же в 1918 году.

Авром Зак родился в 1891 году в местечке Амудра, к югу от Гродно. После второй мировой жил в Варшаве и Париже, а в 1952 году уехал в Буэнос-Айросе, где умер в 1980 году.

Соня Померанец осторожно извлекает из памяти стремительные дни 1918 года.

- На единственный удивительный год молодые поэты Гродно мой брат Ишия, Лейб Найдус и Авром Зак стали веселой тройкой, вдохновляющей друг друга написание новых, интересных стихов. Любимое место их встреч было у нас дома на улице Мостовой. Отец был горд, что к нам приходят поэты. Я буквально была захвачена ими. Но это продолжалось недолго. Лейб Найдус умер в декабре 1918 года. Но в течение этого года он, наиболее зрелый и оригинальный в литературной среде Гродно, оказывал сильное влияние на других поэтов.

Соня Померанец вспоминает похороны Лейба Найдуса.

- Все было шокировано, когда он умер. Ему было всего 28 лет. Три дня он лежал большой в своем доме на тихой окраинной улочке. Когда его забрала в больницу и поставили диагноз "дифтерия", было уже слишком поздно. Это были самые большие похороны, которые я когда либо видела в Гродно.

Она возвращается к истории жизни своего брата-поэта.

- Мама Розовская вышла замуж за какого-то бизнесмена и уехала с ним в Германию. Без Лейба Найдуса Гродно больше не вдохновляло Ишию. Все талантливые молодые люди объединялись в какие-то союзы, организации. Ишия решил стать сионистом. Недалеко отсюда была колония, в которой молодых сионистов учили обрабатывать землю. У меня есть редкая фотография Ишии с лопатой и плугом. Сделана она была в 1919 году. Но работа на земле была не для него! Он уехал в Нью-Йорк.

Примерно в это же время второй раз женился Авром Померанец. Его новой женой стала экономка. Дети не любили ее. Мало времени прошло со времени смерти их матери, а новая хозяйка дома решила снять ее портрет, который висел на стене.

- Мы получили письмо от Ишии из Варшавы, где он остановился по пути в Америку, - рассказывает Соня Померанец. - Сразу же послали ему телеграмму и попросили вернуться на какое-то время в Гродно. Он приехал, спокойно поговорил с отцом и маточкой. Мамин портрет вернулся на прежнее место. И Ишия уехал в Америку.

В Нью-Йорке Ишия, который известен как Александр Померанец, стал одним из наиболее популярных молодых поэтов, вдохновителем и издателем еврейской новаторской поэзии Нью-Йорка 20-х годов. Он основал в 1924 году журнал авангардной литературы "Юнг кузне" ("Молодая кузница") и был создателем в 1925 году вместе с русским поэтом Владимиром Маяковским другого журнала - "Спартак". В 1929 году Александр Померанец - один из основателей Союза писателей левого толка "Пролеттен". Создание этой организации способствовало подъему новаторской еврейской поэзии. Но несмотря на новаторство, молодые поэты, в том числе и сам Александр Померанец, черпали свое вдохновение из классических текстов, стихи

были пронизаны образами Талмуда.

Соня Померанец поражена, узнав, что я слышала об этих литературных объединениях. Но еще больше ее удивили мои слова о том, что Александр Померанец опубликовал первое стихотворение своего отца, еврейского поэта Менише Катца, в журнале "Спартак".

В начале 1930-х годов Александр Померанец делает резкий поворот от поэзии к литературоведению. Хотя и продолжает писать стихи, но главным его делом становятся научные литературоведческие статьи.

Соня Померанец подхватывает нить разговора.

- В 1932 году мой брат - к тому времени все называли его только Александр - приехал в Советский Союз, в Киев, чтобы написать диссертацию о модернистских поэтах Нью-Йорка. Его научным руководителем был известный еврейский ученый, филолог и литературовед Макс Эрик (псевдоним Замана Меркина, 1898-1937). В те годы я училась на факультете журналистики в Московском университете. Я не видела своего дорогого брата с момента его второго отъезда в Америку. Мы получили возможность встречаться часто. Он и его очаровательная жена, американка Франсис, навещали меня в Москве, а я ездила к ним в Киев.

В 1934 году брат подготовил диссертацию.

Соня Померанец достает книгу "Пролеттен".

- Это диссертация. Это энциклопедия еврейских поэтов-модернистов, живших в Нью-Йорке.

Возвращаясь в Америку, Ишия заехал в Гродно. Он приехал, чтобы попрощаться с отцом. Они чувствовали, что никогда больше не увидятся. Отец умер в 1938 году. Ишия никогда больше не приезжал в Россию...

После второй мировой войны Соня Померанец вновь обосновалась в родном Гродно. В течение нескольких десятилетий она перешивалась с братом.

- Но в 50-е годы наши эпистолярные отношения стали портиться из-за политики, из-за холодной войны, - с сожалением говорит Соня Померанец.

Когда были разоблачены преступления сталинского режима, получили огласку антисемитские кампании, Александр Померанец стал одним из наиболее жестких обвинителей Советского Союза. Он обвинял коммунистический режим в разрушении еврейской культуры и убийствах. Александр Померанец опубликовал свои обвинения. Это 500-страничное издание вышло в свет в 1962 году, как раз в 10-ую годовщину расстрела Еврейского антифашистского комитета.

Соня Померанец была не во всем согласна с братом. Хотя она и не считала себя защитницей Советов:

- Страшные вещи творят все правители, особенно те, кто пришел к власти благодаря революции. У Сталина был помрачен ум. Но при всем том в советском эксперименте было много хорошего, - считает Соня Померанец. - Пройдет время, прежде чем люди поймут и оценят это.

Наш разговор подошел к концу, когда хозяйка дома, с улыбкой на лице, сказала:

- Политика - это еще не все. Вы хотите узнать, как остаться здоровой и активной в 93 года? Я знаю ответ. Надо родиться с правильными генами.

Перевод с английского

Юлия Мандрин и Людмила Македонской.